

Субконцепт как инструмент реконструкции ментальной сущности «вода» в прозе И. Бунина

Marija Birney

Lietuvos edukologijos universitetas, Filologijos fakultetas, Rusų filologijos ir tarpkultūrinės komunikacijos katedra,
Studentų g. 39, LT-08106 Vilnius, solnce_2002@yahoo.com

Anotacija. Straipsnyje aptariama koncepto kaip vientiso geštalto vieneto, objektyvuoto kalboje, rekonstrukcijos ir modeliavimo problema. Remiantis I. Bunino prozoje aptinkamo *vandens* koncepto analize, parodomas **subkoncepto** kaip atskiros sudedamosios mentalinio suvokinio dalies panaudojimo galimybės dekonstruojant vientisą prasminį domeną – konceptą. Subkoncepto kaip analizės instrumento panaudojimas kognityviniuose tyrimuose, autorės nuomone, padeda nustatyti santykį tarp žodyje objektyvuotų ir jo determinuojamų atskirų leksemos reikšmių ir atskirų pažinimo struktūrų. Be to, žodyje ir jo reikšmėse implikuotų kognityvinių žinių išskaidymas panaudojant subkonceptą kaip analizės instrumentą padeda rekonstruoti konceptą kaip vientisą mentalinę visumą, dalyvaujančią formuojant kalbos turinio raiškos ir pasaulėvaizdžio specifiką.

Esminiai žodžiai: *konceptas, subkonceptas, pasaulio modelis, kategorizacija, leksinė reikšmė, leksema, semantinė ir konceptualioji struktūra.*

Вводные замечания

Общеизвестно, что «концепты существуют в виде **целостных и гештальтных** единиц, не структурированных до своей **вербализации**» (Kubrjakova, 2012, 107). Но вербализованный концепт – это уже знаковая единица, нашедшая в языке свою реализацию в той или иной форме: в слове (Wierzbicka, 2001, 23) или отдельном его значении (Lihachev, 1997, 150) также в некоем системном объеди-

нении, устроенном, например, по принципу поля (Popova, Sternin, 2007, 66). В таком случае концепт как уже объективированная в знаке ментальная репрезентация – целостный смысловой домен – может быть подвержена деконструкции. Сама идея расщепления неких целостных сущностей, языковых или смысловых, на атомарные составляющие с теоретической и методологической точек зрения, конечно же, не является чем-то новым. Еще в эпоху младограмматизма И. А. Бодуэн де Куртенэ определил, что фонема является комплексной звуковой единицей и поэтому может быть деконструирована на составляющие ее элементы – типичные черты, получившие в фонологии наименование различительных признаков (см.: Parsieva, Gacalova, 2014). Процесс расщепления неких сущностей на составляющие их сегменты наблюдается и в эпоху структурализма – возникает компонентный анализ как метод расчленения языкового значения лексемы на минимальные смысловые компоненты (элементарные смыслы). Сменившееся структурализм когнитивное направление лингвистических изысканий также обращается к технике деконструкции содержания семантики языкового знака на атомарные составляющие. Их выделение становится принципом, который кладется в основу аналитических толкований всех содержательных единиц языка (ср., напр., «семантические примитивы» А. Вежбицкой (Wierzbicka, 2011) или «семантические кварки» Ю. Д. Апресяна (Apresjan, 2009), которые в совокупности выступают в роли «атомов» значений анализируемых языковых единиц). Очевидно, что существующая в лингвистике тенденция расщепления «молекул» языка на атомарные составляющие применима и по отношению к ментальным феноменам, когда некий концепт как **целостная** единица, объективированная в языке в той или иной форме, в процессе реконструкции подвергается разложению на отдельные компоненты – элементарные составляющие. Однако следует понимать, что процедура расщепления концептуального знания и его структуризация является чисто лингвистическим приемом, позволяющим реконструировать концепт как некий **целостный смысловой домен**. Мы исходим из того, что ментальный феномен, именуемый в лингвистике концептом, реализуется в художественных, философских, научных и иных текстах, определенным образом формируя специфику их содержания и формы.

Общеизвестно, что термин «концепт», войдя в русский язык, стал одним из основных в восточноевропейской когнитивной лингвистике, а содержание этого понятия стало предметом нескончаемых дискуссий. В этой связи необходимо вспомнить известную работу «Концептосфера русского языка» Д. С. Лихачева (Lihachev, 1997), возродившего в русской филологии интерес к концепту. Ссылаясь на статью «Концепт и слово» С. А. Аскольдова-Алексева, Д. С. Лихачев полагает, что концепт как своего рода «алгебраическое» выражение значения «существует не для самого слова, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно» (Lihachev, 1997, 150). При этом, отмечая потенциально-за-

стительную способность концепта, Д. С. Лихачев указывает на то, что именно контекст или некая общая ситуация определяют, какое из словарных значений слова замещает собой концепт (Lihachev, 1997, 151). В принципе предложенное Д. С. Лихачевым сопоставление концепта не со всем звуковым комплексом – словом, – а отдельными его значениями ставит вопрос о том, каким образом эти значения (в том случае, конечно, если слово многозначное) соотносятся с целостным ментальным феноменом, существующим в сознании индивида. Иначе говоря, если слово многозначное, то как сопоставить его значения с целостным концептом? Очевидно, что между отдельными значениями лексической единицы и ментальным феноменом как целостным доменом определенного знания существует некая опосредованная связь. Поэтому, следуя и несколько модифицируя мысль Д. С. Лихачева о соотношении значений слова и концепта, мы предлагаем выделять в концепте **субконцепты** (Birney, 2016) как его составные части, соотносимые с отдельными значениями слова. Совокупность субконцептов создает целостный концепт. Однако реконструкция концепта не отменяет вопроса о соотношении лексического значения как единицы языка и концепта как единицы ментального лексикона. Это тем более важно, что в современной лингвистической науке вопросу о соотношения значения языкового знака и концепта до сих пор не уделяется достаточно внимания. Исключения составляют работы Э. Лассан (Lassan, 2002, 2008, 2015), Л. О. Чернейко (Chernejko, 2009), А. Гудавичюса (Gudavičius, 2011).

Цель данного исследования состоит в том, чтобы показать, как на практике работает предлагаемая нами методика моделирования концептов, связанная с идеей о сопоставлении отдельному значению лексемы субконцепта как отдельной ментальной единицы, сумма которых и определяет целостную концептуальную структуру, отраженную в языковом знаке. В качестве непосредственного объекта исследования выступает имя ментального феномена «вода», реализующееся в прозе И. Бунина. При этом отправной точкой анализа авторского концепта и его репрезентации в языке писателя становится естественный язык как первичная моделирующая система.

Достижение поставленной цели связано с постановкой и решением следующих задач: а) опираясь на понятие категории и анализ словарных значений лексемы *вода* в русском языке, установить и детально описать семантическую структуру этой лексемы в прозе И. Бунина; б) представить содержание концептуальной структуры «бунинской *воды*» в его соотношении с семантическим, исходя из положения о том, что целостное знание о воде складывается из отдельных субконцептов, замещающих собой в тексте отдельные значения лексической единицы.

В процессе исследования была использована комплексная методика анализа, включающая как описательные методы системного анализа языковых единиц (анализ дефиниций лексемы *вода*, ее грамматических и дистрибутивных харак-

теристик, также дискурсивный анализ), так и методы когнитивной лингвистики, вскрывающие ментальные представления, стоящие за языковой формой.

Основная часть

Анализ концептуализации содержания, связанного с *водой*, как в русском языке, так и в идиолекте И. Бунина непосредственно соотносится с анализом семантики этого имени, который направлен на «экспликацию семантической структуры изучаемой единицы и уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений» (Kubrjakova, 2004, 372). Сам принцип представления семантики языковой единицы – разъяснения значений слова – подробно описывается в работах Ю. Д. Апресяна (Апресян, 2009, 64; 2010, 19). В них разграничение лексических значений многозначного слова обусловливается различием их «языковых миров» – грамматических свойств, сочетаемостных особенностей и семантических связей.

В этой связи и в соответствии с поставленной целью описание семантической структуры лексемы *вода*, реализующейся в прозе И. Бунина, предварим анализом словарных представлений этой лексемы в русском языке для того, чтобы уточнить характер категоризации денотата имени *вода* и тем самым определить инвариантные значения этой языковой единицы в целом.

Существующая лексикографическая практика описания *воды* в русском языке определяет это слово как многозначное, выделяя в нем от трех до девяти значений прямого и переносного характера (Tolkovyj slovar' russkogo jazyka, 1935; BAS, 1951; MAS, 1981; Ozhegov, 1989; Efremova, 2000). Несмотря на существующие количественные расхождения словарных толкований, особенность категоризации денотата имени *вода* в русском языке заключается в том, что это слово исторически употребляется в соответствии с тремя значениями – 'вода-жидкость', 'вода-пространство', 'вода-поверхность'. Нам представляется, что, поскольку поверхность является составной частью трехмерного пространства, а жидкость есть одна из форм существования материальной субстанции (ср., напр., выражение: *жидкая субстанция*), то здесь можно выделить два категориальных значения: 'вода-жидкость' и 'вода-пространство'. Различие же в количестве номинативно-производных значений и их контекстуальных употреблений, объясняется, видимо, широтой фрагмента действительности (денотативной области), где присутствует вода, и ее многофункциональностью.

Вместе с тем анализ лексикографических источников показал, что денотат имени *вода* категоризируется и как стихия. Поэтому мы полагаем, что у *воды* можно выделить еще одно категориальное значение: 'вода-стихия'. Это значение, несмотря на более чем детализированную систему выделенных значений

и подзначений лексемы *вода* в русском языке, словарями обычно не отмечается. Объясняется это, по-видимому, тем, что практика лексикографических описаний *воды* в русском языке ограничивается представлением семантики синхронного среза этой языковой единицы. Мифологическая или культурная составляющая в словарные описания *воды* обычно не включается, хотя в некоторой степени она оказывается представленной в зоне словарной статьи за «ромбом».

Обращаясь к анализу семантической структуры лексемы *вода* в творчестве И. Бунина, отметим следующее. Во-первых, семантический анализ как прием, связанный непосредственно с разъяснением слова, предвзывает описание имплицированных в нем когнитивных структур. Если, как пишет Е. С. Кубрякова, разъяснение слова, его семной структуры «связано с описанием условий употребления языкового знака и определением его формальных и сочетаемостных свойств», то концептуальный анализ «идет к знаниям о мире» (Kubrjakova, 2004, 372). Таким образом, процедура анализа семной структуры лексической единицы предполагает представление отдельных ее значений. Вместе с тем экспликация лексических значений *воды* способствует и выявлению неких смыслов, называемых в этой статье **субконцептами**. Коррелируя с отдельными значениями лексемы, субконцепты как ментальные структуры выступают в качестве отдельных «атомов» целостного знания о воде. В таком случае сумма смыслов, связанных с целостным звуковым комплексом *вода*, будет сложным образом генерироваться и из смысловых приращений к отдельным значениям этой лексемы.

Во-вторых, следуя Апресяновскому принципу различения значений языковых единиц на основе различия их «языковых миров», мы полагаем, что семантическая структура «бунинской *воды*» может быть описана с опорой на контексты, где имеет место различная категоризация воды. Поэтому мы используем понятие «категория», которое позволяет вскрыть когнитивные механизмы, формирующие семантическую структуру лексемы *вода* в авторских текстах. Кроме того, мы исходим из установки об определенной связи между лексической единицей *вода* и именуемым ею концептом. В этой связи категориальный признак приравнивается нами к логической (понятийной) части концепта, то есть рассматривается как «базовый каркас» содержания концептуальной структуры имени ментального феномена. Анализ функционирования всех словоформ *воды*, описание ее семантических связей в творчестве И. Бунина (а семантический анализ непосредственно связан с разъяснением и уточнением значений языковой единицы, то есть с контекстом ее употреблений) позволяет определить категориальную принадлежность денотата имени *вода* в авторских текстах. Кроме того, анализ грамматики *воды* и конструкций с этой лексемой становится основой выделения частных подзначений категориального значения. Обращение же к интертекстуальному дискурсу, а также сочетаемости *воды* (включая метафорическую) в каждом из категориальных значений и их подзначений способствует

определению прагматической нагруженности этой лексемы, ее коннотативных и символических смысловых приращений, реализующихся в прозе И. Бунина. При этом коннотативные и символические значения лексемы *вода* выступают в качестве сублогических структур целостного концепта, определяя его образно-перцептивный и оценочный слой.

Говоря о семантике *воды* в авторских текстах, следует отметить, что также как в русском языке, в идиолекте И. Бунина этой лексеме присуща многозначность. Эта языковая единица в авторских текстах употребляется в контекстах, реализующих семантику, которая отражает как современные взгляды на воду, так и обусловленные культурой, мифологизированные представления о ней. По этой причине мы предполагаем, что объем семантической структуры «бунинской *воды*», ее значений будет несколько отличаться от той информации, существующей в современных словарных толкованиях этой лексемы в русском языке.

Анализ собранного фактического материала свидетельствует о том, что в прозе И. Бунина *вода* категоризуется как (1) **жидкость**, (2) **пространство** и (3) **стихия**. Являясь результатом действия когнитивных процессов, выделенная система категориальных значений данной лексемы на ментальном уровне представляет собой набор соответствующих отдельных структур целостного знания – субконцептов «жидкость», «пространство» и «стихия», соотносимых в авторской картине мира с именем *вода*, точнее – с отдельными его значениями. Вместе с тем, помимо трех категориальных значений, понимаемых как структуры логического характера, семантическая структура *воды* в прозе И. Бунина характеризуется наличием еще одного значения. Это значение мыслится в качестве смыслового приращения символического характера и, таким образом, в авторской картине мира определяет сублогический слой ментальной сущности «вода». Если выделение трех категориальных значений *воды* – *жидкость*, *пространство* и *стихия* – базируется на трех соответствующих архисемах, то выделение дополнительного (4) значения, выступающего в качестве **символа амбивалентных начал**, обусловлено интертекстуальным характером творчества писателя.

В рамках трех основных (категориальных) значений *воды*, отражающих базовый уровень категоризации ее денотата, получает развитие целая система частных подзначений этой лексемы. Выделение частных лексических подзначений этой языковой единицы с когнитивной точки зрения совершенно логично можно соотносить с более низким субординантным уровнем категоризации денотата *воды*. В лингвистической плоскости отношения общих значений к частным подзначениям можно обозначить как гиперо-гипонимические. При этом следует понимать, что частные подзначения *воды* соотносятся с разными денотатами, имеющими общее свойство, благодаря чему они и могут быть объединены в одну категорию.

В картине мира И. Бунина *вода*, категоризуясь как «жидкость», обнаруживает неоднозначность осмысления и представления. *Воду* в рамках этой категории распространяют пять частных подзначений, противопоставленных по признакам *природное vs культурное*. Эмплицуруя вещественную семантику *воды*, к соотношению с денотатом этой лексемы как природным феноменом относятся подзначения (1) '*вода – природное вещество, жидкость*', существующая в природе в виде заполнителя водоемов, атмосферных осадков и непрерывной составляющей жизнедеятельности человека и природы; а также (2) '*вода – маркер временного цикла*' (обычно весны). Выделенные в рамках категориального значения *вода-жидкость* подзначения (3) '*средство удовлетворения бытовых и физиологических потребностей*', (4) '*элемент культурных практик*' и (5) '*специальные напитки*' определяют «окультуренное» использование лексемы *вода* в бунинских текстах. Определяя денотативную область *воды* в определенных контекстах, каждое из подзначений этой лексемы характеризуется наличием ей присущего «языкового мира».

Итак, лексема *вода* в подзначении (1) '*природного вещества, жидкости*' в прозе И. Бунина обычно употребляется только в форме ед.ч.; входит в определительные и атрибутивные конструкции (напр., *дождевая вода, вода реки*), сочетается с именами формы и меры (напр., *капля воды, стакан воды*); в составе конструкций с предлогом управляет формой пр.п. (напр., *вода в пруде*). Кроме того, лексема *вода* в этом подзначении выступает чаще в синкретической роли АГЕНСА-ПАЦИЕНСА, совмещая инактивное и активное начало. Иначе говоря, *вода* в этом подзначении в контексте глаголов движения или перемещения, а также состояния, выполняя функцию субъекта действия, выступает в роли «псевдоагенса»:

<...> *кобыла долго-долго однообразно сосала воду, и видно было, как вода волнисто шла по ее горлу* (Бунин, 1987, 2, 26)¹; *Шумит рукав водокачки, наполняя глубокий тендер... И вот вода уже переливается через края* <...> (3, 378–379); <...> *густым, сине-лиловым маслом светит сквозь решетку вода* (3, 501).

В приведенных примерах *вода*, хотя и употребляется в форме Именительного Субъекта действия, но состояние, в котором она пребывает (*плещется, идет, светит*), скорее, является результатом производимого кем-то действия.

Подзначение *воды* (2) '*маркер временного цикла*' в прозе И. Бунина обычно отсылает к определенному времени года. Функционируя в составе устойчивых сочетаний и образований, *вода* в этом подзначении у И. Бунина чаще всего становится метонимическим обозначением весны: *весенняя вода, вешние воды, половодье*. Это подзначение лексемы *вода* характеризуется полной числовой

¹ Бунин И. А. Собр. соч. в 6-ти тт. Москва: Худож. лит., 1987–1988, Т. 2–5 (в дальнейшем цитируется по данному изданию с указанием тома и стр. в тексте, напр., (2, 236).

парадигмой (напр., *полая вода и полые воды*), а также специфическим контекстуальным окружением, предполагающим наличие слов со значением пространства:

<...> и опять полые воды еще сильнее разыгрались на лугах (2, 311); *<...> загремят по оврагам полые воды <...>* (2, 397).

Кроме того, *вода* в этом подзначении, заполняя собой в определенный период года не предназначенное для нее пространство, предстает как активная сила. Если в подзначении (1) ‘природного вещества’ действие *воды* каузируется каким-то иным носителем энергии (ср., напр.: *вода в умывальнике замерзла* [2, 68]), то в данном случае действие *воды* не стимулируется иным агенсом – она сама выполняет функцию активного деятеля, заливая пространство.

Для подзначений (3) ‘средство удовлетворения бытовых и физиологических потребностей’ и (4) ‘элемент культурных практик’ присуща только форма ед.ч., специфическая сочетаемость лексемы *вода*, включающая в себя контекст глаголов со значением физиологического процесса и физического действия (напр., *пить, мыть (-ся), облить, окатить, поливать, возить, натаскивать, лить* и др.), а также контекст, описывающий народный быт и культурные практики (напр., *розовая вода, горячая вода*). Соотносясь с денотатом в его бытовой функции, лексема *вода* в подзначении (3) может выступать в семантической роли ОБЪЕКТА как средства воздействия и перемещения: *воду возят, натаскивают, льют*, но также и ИНСТРУМЕНТА как средства утоления жажды и гигиены:

И пошел переодеваться, мыться, облил голову холодной водой <...> (5, 435); *<...> стала пить воду из горлышка графина* (4, 532).

В подзначении (4) лексема *вода*, напротив, выполняет единственную инструментальную функцию: *<...> ее то и кропят ежечасно розовой водой* (3, 550).

Выделенное в рамках категории *вода-жидкость* еще одно подзначение (5) ‘специальные напитки’ характеризуется полной числовой парадигмой. Выступая в этом подзначении, лексема *вода* в составе предложения выполняет объектную функцию. Категориальное понятие «напиток», составляющее основу дефиниции данного подзначения, включает знание о том, что в его производстве непосредственно участвует человек, поэтому *вода* воспринимается как объект экономических отношений: *воду продают, подают в ресторане, получают в больших и длинных ящиках* (4, 67; 4, 499; 2, 235). Вместе с тем понятийной составляющей этой воды является и знание о ее качественной разнородности: *содовая английская вода, сельтерская вода, шипучая вода, вода с кислотой и содой* (4, 67; 5, 13; 5, 226; 2, 349).

Смысловыми приращениями названных подзначений, выделенных в рамках категориального значения *вода-жидкость*, можно считать коннотации *полезности, средства, необходимого для поддержания жизни, бесцветности*. Эти прагматические приращения коннотативного характера в авторских текстах определяют образно-оценочный или сублогический слой субконцепта «жидкость». В качестве

основы формирования этой отдельной ментальной единицы как части единой сущности «вода» выступает категориальное содержание, отраженное в лексическом значении *воды-жидкости* и ее подзначениях.

Категориальное значение *вода-пространство* в прозе И. Бунина распространено следующими подзначениями, каждое со своим «языковым миром». Это подзначения – (1) ‘континуум’ и (2) ‘территория’, которые осмысляются в оппозиционных терминах *неограниченность vs ограниченность*, а также (3) ‘курорты’, (4) ‘водоемы’ и (5) ‘поверхность’.

Так, подзначение (1) ‘континуум’, предполагая представление о бесконечно большой, неимеющей четких границ протяженности, в авторской картине мира функционирует только в форме мн.ч. (напр., *на закат были воды* [2, 138]). Этому подзначению также присуща специфическая сочетаемость, которую формируют эмфатические атрибуты (напр., *воды многие, воды великие, великое обилие вод*). Подзначение (2) ‘территория’, напротив, соотносится с частью пространственного континуума с заданной границей (напр., *южные воды*). Характер выделения этого подзначения определяет его дистрибуция – лексема *вода* в данном случае допускает при себе зависимый генетив: *воды родины*. Кроме того, помимо формы мн.ч., *вода* в этом подзначении в текстах И. Бунина употребляется и в форме ед.ч., поэтому характеризуется полной числовой парадигмой. Так, например, о смерти говорится, что «она <...> вот за этою водою, на жарких берегах» (3, 374–375). Подзначению ‘курорты с минеральными источниками’ присуща только форма мн.ч., функционирующая в контексте конструкций директива (напр., *едут на воды*), а также топонима *Минеральные Воды*. Наконец, для подзначений (4) ‘водоемы’ и (5) ‘поверхность’ характерным является наличие формы ед.ч. При этом эти подзначения в картине мира И. Бунина выражаются свободными синтаксемами в форме предложно-падежных конструкций локатива, директива и транзитива: *над водой, под водой, по воде, в воду, в воде* и т.д. Обычной семантической ролью *воды* как пространства является локативный актанта МЕСТА. Однако в авторской картине мира и иные семантические валентности, напр., КОЛИЧЕСТВА, ЦЕЛИ или МОТИВИРОВКИ, а также гибридные роли ОБЪЕКТА-МЕСТА и др. оказываются востребованными при выражении пространственной семантики лексемы *вода* и ее подзначений.

Выступая в качестве объекта зрительного восприятия (напр., *дивимся на воду, что сквозит в решетке поручней. Это драгоценный прозрачный камень, сплав зеленых самоцветов, в прозрачности которого дымится зеленая муть* [4, 456], *блистала текучая зыбь водных пространств* [4, 23] и др.), *вода* в категориальном значении *пространства* обрастает в прозе И. Бунина коннотациями *величия, красоты, притягательности, цветовой окрашенности*. Эти смысловые приращения лексемы в совокупности составляют перцептивно-оценочный слой субконцепта «пространство» как части единого гештальта «вода».

Третьим категориальным значением *воды*, формирующим в прозе И. Бунина семантическую структуру этой лексемы, выступает значение *стихии*. Функционируя в этом значении, *вода* представляется ‘активной силой’ и выступает в роли только активно и целенаправленно действующего АГЕНСА. Эта лексема в форме семантического субъекта действия находится в синтагматической близости с глаголами различных семантических классов. Так, *вода* в форме и.п., реже – в форме тв.п. (напр., *там посуды полной водой унесло* [2, 91]) входит в контексты с глаголами физического действия и воздействия, движения и состояния, звукового проявления (часто интенсивного) и зрительного восприятия: *вода поднимается и опускается, обнимает и моет, обдаёт и опутывает, легко бежит и несется, гудит и журчит, шипит и кипит, дышит, дремлет, глядит* и т.д. В контексте данных глаголов лексема *вода*, реализуя категориальный семантический компонент «стихия», наделяется рядом специфических признаков, связанных с явлением персонификации и возможности участия как самой лексемы, так и ее субститутов (*море, волна, океан, озеро* и др.) в метафоризованных конструкциях и устойчивых фраземах (напр., *вода вечной жизни, живая вода, вольные воды, как в воду канул* и др.). В них эксплицирована мифопоэтика *воды* как архетипического первообраза, мыслимого в бинарных терминах жизни и смерти, бытия и небытия, космоса и хаоса. Прагматическим приращением *воды–стихии*, составляющим перцептивно-оценочный слой понятийной части субконцепта «стихия», является коннотация *опасности*.

Раскрывающаяся в сочетаемости воды, построенной на метафорической основе, проекция экзистенциальных сущностей на денотат этой лексемы позволяет говорить и о смысловых приращениях символического характера как составляющей части семантической структуры данной лексической единицы, реализующейся в бунинских текстах. Этим собственно и мотивируется выделение дополнительного четвертого значения лексемы *вода*, которое, наряду с коннотативными смысловыми приращениями, составляет оценочный и образный слой субконцепта «стихия» как части целостной ментальной единицы «вода», реализующейся в прозе И. Бунина.

Итак, устанавливаемое на основе метафорических сочетаний и ассоциативных связей *воды* четвертое (дополнительное) значение этой лексемы, формирующее ее семантическую структуру, в прозе И. Бунина выступает в качестве символа амбивалентных начал. Этому значению, соотносящемуся с культурной составляющей языкового знака, в авторской картине мира присуще многообразие обликов. Так, *воде* у И. Бунина в этом значении приписывается амбивалентная семантика Богини матери/отца, Божественной сущности и одновременно мифического Хаоса – этого античного *ничто* и *первичной материи* (*prima materia*), *жизни* и *смерти, начала* и *конца*, активной и суверенной *силы*, а также *пути жизни* и *памяти* как средства обретения бессмертия. Проявление смысловых прира-

щений *воды* символического характера в бунинских текстах на языковом уровне соотносится с вечно творящим *живым* и *отчим лоном*, *бездной*, *хлябью*, *тьмой*, *первобытным состоянием*, *довременным естеством*. Кроме того, семантизация культурной составляющей *воды*, отождествление ее с «грохочущим основанием» мифического хаоса осуществляется посредством апофатических определений: *бездонный*, *бесконечный*, *безмерный*, *безграничный*, *чуждый*, *враждебный*, *слепой* и др. Выраженное через отрицание и негативные атрибуты первобытие – «бездонная глубина» как «та зыбкая хлябь, о которой так ужасно говорит Библия» – у И. Бунина нередко интерпретируется как нечто неопределенное *что-то*:

Внизу – тьма, смола, пропасть, где гудит, ревет, тяжело ходит что-то безмерное, бугристое, клубящееся <...> (4, 519).

Вода, выступающая в прозе И. Бунина в качестве символа амбивалентных начал, соотносится с библейскими текстами и мировой философией, что позволяет ей в этом значении присвоить статус мифологемы. Однако традиционные для архаического сознания, а также для античной, библейской и в некоторой степени для восточной философской мысли концепции мирового космогенеза, осмысление которого непосредственно связано с водой, в прозе И. Бунина получают своеобразную интерпретацию. Например, реализуя архаический мотив разделения двух вод на «живую» и «мертвую», И. Бунин по-своему «обыгрывает» его. Так, культурно-языковой сюжет разделения вод, отражающий мифопоэтическую связь воды с жизнью и смертью одновременно, реализуется в миниатюре «Роза Иерихона»:

В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю корни и стебли моего прошлого – и вот опять, опять дивно прозябает мой заветный знак (4, 167).

Здесь архаический мотив «живой воды», известный как способ оживления брэнного тела и преодоления смерти, обнаруживает концептуальную связь феномена воды с субстанцией духа, души. *Вода* в результате метафорического сдвига начинает описывать область ментально-эмоционального. Ведь «сердце» – это не только орган физиологии человека, но и «сосуд», хранящий и генерирующий энергию духа. Уникальность индивидуально-авторского словоупотребления лексемы *вода* и ее субститута *влага* в концептуальное содержание этого имени имплицитно гештальт (образ), соотносящий данный языковой знак с понятием памяти. Так, мотив воды-жизни у И. Бунина формирует образ памяти, в метафизическом «бесконечном и безначальном» пространстве которого через духовное совершается прорыв от смертного (временного) к бессмертию – вечности. Но вечность, соотносясь с бесконечно давним и неизмеримым во времени, также загробным миром и небытием, традиционно ассоциируется с забвением (забыванием). У И. Бунина же концептуальная связь воды и вечности соотносится с душой, с памятью как противопоставлением небытия бессмертию. Смертное

сущее в авторской картине мира «через воду жизни» – энергию духа, семантизирующуюся как память, – обретает как бы второе рождение и духовное возвращение к жизни.

Выводы

1. В статье в качестве основы концептуального моделирования ментальной сущности «вода», реализующейся в прозе И. Бунина, выступает идея о соотношении отдельных значений лексемы отдельным структурам знания – субконцептам, – формирующим целостный гештальт. Для определения когнитивных знаний, формирующих представление о воде в авторской картине мира, было использовано понятие категории. Это понятие, легшее в основу выделения в семной структуре «бунинской *воды*» ее отдельных лексических значений и подзначений, дало возможность вскрытия когнитивных механизмов концептуализации содержания *воды* в авторских текстах. При этом само содержание, стоящее за именем выделенных в семной структуре *воды* категориальных значений *жидкость*, *пространство* и *стихия*, рассматривалось в качестве логической или понятийной составляющей ментальной структуры в целом, т.е. без прагматических наслоений.

2. Анализ семной структуры языкового знака непосредственно связан с поиском общих представлений и структур знаний, стоящих за именем явления. Эти знания, надстраиваясь над семантической структурой языковой единицы и коррелируя с ней, раскрываются в контексте в результате читательской рефлексии. При этом в статье было продемонстрировано, как из категориального содержания, отраженного в значениях и подзначениях лексемы, выводятся отдельные ментальные единицы – субконцепты «жидкость», «пространство» и «стихия», – в сумме составившие «базовый каркас» концептуальной структуры ментального феномена «вода». Каждый из субконцептов как составная часть единого гештальта обрастает прагматическими приращениями коннотативного и символического характера, которые в совокупности определяют сублогический уровень содержания концептуальной структуры «вода» в авторских текстах.

3. Анализ функционирования *воды*, ее форм и конструкций, проводимый с целью определения лексических значений и стоящей за этим именем концептуальной структуры, дополнительно способствовал и выявлению ролевой или актантной специфики воды как участника мирового «действия». При этом было показано, что семантические роли или валентности *воды* мотивируют порождение семной структуры этой лексической единицы, тем самым они непосредственным образом оказываются связанными с вопросом об образовании самих ментальных структур как «атомов» знания, стоящих за именем концепта в целом.

Литература

- Apresjan, J. D. (2009). *Issledovanija po semantike i leksikografii: Paradigmatika*, 1. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur.
- Apresjan, J. D. (2010). Vvedenie. In J. D. Apresjan (otv. red.) *Prospekt aktivnogo slovarja russkogo jazyka* (S. 17–54). Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur.
- Birney, M. (2016). *Vandens pasaulis I. Bunino prozoje (lingvistinė ir kognityvinė analizė)*. Doktoro disertacijos santrauka. Vilnius: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla.
- Chernejko, L. O. (2010). *Lingvofilosofskij analiz abstraktnogo imeni*. Moskva: Knizhnyj dom «Librokom».
- Gudavičius, A. (2011). Reikšmė, sąvoka, konceptas ir prasmė. *Res Humanitariae*, 10, 108–119.
- Kubrjakova, E. S. (2004). *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniy o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Kubrjakova, E. S. (2012). *V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovanija*. In-t. jazykoznanija RAN. Moskva: JaSK. Znak.
- Lassan, E. (2002). «Nadezhda»: semanticheskij i konceptual'nyj analiz. *Respectus Philologicus*. Retrieved January 16, 2015, from <http://www.philology.ru/linguistics2/lassan-02.htm>
- Lassan, E. (2008). *Lingvokul'turologija. Oчерk russkoj konceptologii*. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla.
- Lassan, E. (2015). «Proshhanie – skorbnoe slovo» (*Proshhanie – zhanr, koncept, rechevoj akt?*). *Vestnik Rossijskogo un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika*, 3, 7–22.
- Lihachev, D. S. (1997). Konceptosfera russkogo jazyka. In V. P. Neroznak (otv. red.) *Russkaja slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija*, 147–165). Moskva: Academia.
- Parsieva, L. K., Gacalova, L. B. (2014). Fonologicheskaja teorija I. A. Bodujena de Kurtenje i Kazanskaja lingvisticheskaja shkola. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 5. Retrieved July 9, 2016, from <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15113>.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaja lingvistika*. Moskva: AST: Vostok – Zapad.
- Wierzbicka, A. (2001). *Leksikografija i konceptual'nyj analiz*. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury.
- Wierzbicka, A. (2011). *Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty*. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur.

Источники и словари

- Bunin, I. A. (1987), (1988). *Sobranie sochinenij v 6-ti tt.* T. 2–5. Moskva: Hudozhestvennaja literatura.
- BAS – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka AN SSSR v 17-ti t.* (1951). T. 2. Moskva, Leningrad: Akademija nauk SSSR, Institut jazykoznanija.
- Efremova, T. F. (2000). *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. Moskva: Russkij jazyk.

MAS – *Slovar' russkogo jazyka AN SSSR v 4-h t.* (1981). T. 1. Pod red. A. P. Evgen'evoj. Moskva: Russkij jazyk.
Ozhegov, S. I. (1989). *Slovar' russkogo jazyka*. Pod red. N. J. Shvedovoj. Moskva: Russkij jazyk.
Tolkovyy slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. (1935). T. 1. Pod red. D. N. Ushakova. Moskva: Gos. in-t «Sov. jenciklopedija»; OGIZ.

Subconcept as a Tool for the Reconstruction of the Mental Entity *Water* in I. Bunin's Prose

Marija Birney

Lithuanian University of Educational Sciences, Faculty of Philology, Department of Russian Philology and Intercultural Communication, Studentų St. 39, LT-08106 Vilnius, solnce_2002@yahoo.com

Summary

In this article, a new method for the reconstruction and conceptual modeling of a single mental unit of *water* reflected in I. Bunin's prose is presented. It is proposed that verbalized conceptual units as a holistic domain of knowledge can be deconstructed into smaller components, or **subconcepts**. For use in the cognitive studies of I. Bunin's prose, this method allows for a way to determine the link between the separate meanings of the lexeme *water* and the particular structures of knowledge represented in this substantive and derived from it. Using the notion of "categorization", it is shown that the semantic structure of the lexeme *water*, its values, and sub-values become the basis for the development of separate cognitive knowledge, named here as subconcepts *liquid*, *space*, and *element*. This set of subconcepts is the core of the conceptual structure of the *water* mental phenomenon in I. Bunin's prose. Being thought of as part of a single gestalt of *water*, each of the derived subconcepts acquires pragmatic increments of a connotative and symbolic nature, together determining the sub-logical level of this mental entity in I. Bunin's prose. Thus, seen as a linguistic method of analysis, the disassembly of the conceptual knowledge implied in the lexical unit of *water* and its values promotes the reconstruction of the concept as a holistic mental entity, determining both the specificity and formation of I. Bunin's texts.

Keywords: *subconcept, concept, lexical meaning (value), lexeme, model of the world, categorization, semantic and conceptual structure.*

Gauta 2016 07 11 / Received 11 07 2016
Priimta 2016 11 30 / Accepted 30 11 2016